

УДК 821.161.1
ББК 83-3 (2Рос=Рус)6

Павлова Лариса Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и методики её преподавания,
ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет»,
ул. Пржевальского, д. 4, 214000 Смоленск, Российская Федерация
E-mail: pavlar@inbox.ru

Пастернак Татьяна Константиновна,
соискатель кафедры литературы и методики её преподавания,
ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет»,
ул. Пржевальского, д. 4, 214000 Смоленск, Российская Федерация
E-mail: tat-pasyernak@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ПЬЕСЕ Е. Н. КЛЕТНОВОЙ «СЛАВНЫЙ ГОРОД СМОЛЕВЕЦ»

Аннотация: Литературное наследие Екатерины Николаевны Клетновой, выдающегося археолога, этнографа, краеведа, педагога, никогда ранее не становилось предметом специального исследования. Её многочисленные оперные либретто, очерки, стихотворения, пьесы «рассыпаны» по периодическим изданиям конца XIX – первой четверти XX вв. и архивным фондам. В одном из фондов Государственного архива Смоленской области была обнаружена рукопись пьесы Е. Н. Клетновой «Славный город Смоленец», послужившая материалом исследования, результаты которого отражены в статье. Проведённый анализ разных уровней текста: тематики, проблематики, композиции и образной системы — позволил выявить и описать авторскую концепцию взаимодействия язычества и христианства, определившую смысл пьесы. История жизненных исканий витязя Русислава (мечты о богатстве и славе, погоня за призрачным счастьем с Царь-Девичей, обретение полезных навыков земледелия и истинной любви к Любаве, приобщение к христианской вере) отражает переломный момент в истории Руси: на смену устоявшимся, хорошо развитым языческим воззрениям и ценностям приходят, постепенно обретая силу, христианские идеалы. Своеобразие авторской позиции заключается в отсутствии трагизма при описании произошедших изменений. Они обусловлены не антагонизмом и борьбой разных религиозных начал, а естественным развитием духовной жизни человека Древней Руси. Имена и культы богов плодородия, любви, искусства (Матери-Земли, Белуна, Ярилы, Лады, Любемеля, Леля) исчезают, но их функции органично входят в новое вероучение. Язычество научило человека почитать божественное присутствие в жизни, христианство явило самого Бога.

Ключевые слова: Е. Н. Клетнова, пьеса, славянская мифология, язычество, христианство, тематика, образная система.

Так в первом действии начинает формироваться центральная смысловая оппозиция пьесы: «вера языческая – вера христианская». Если волхвов и деда-бортника можно безоговорочно отнести к языческому «полюсу», монаха-скитника — к христианскому, то с Любавой дело обстоит сложнее: впервые заговаривает об «ином Боге», о его могуществе именно она, сохраняя при этом веру предков в то, что заговорным зельем и особым словом можно облегчить страдания, остановить кровь.

Л ю б а в а. Ты, ворон, не каркай,
 А ты, кровь, не капай
 Ни от пращи бойной,
 Ни от стрелы летящей,
 Ни от ножа вострого,
 Ни от копья булатного.
 Ключ-замок
 Мое слово крепко.

Присутствие в сознании Любавы нехристианского элемента объясняется её близостью к природе, которая, как изображает Е. Н. Клетнова, преисполнена знакомыми человеку Древней Руси с незапамятных времён духами: хоронясь от беглого взгляда, снуют по лесу Марухи, Пузанчики, Краснята, Мавки, Леший плетёт лапти и, прикидываясь тетеревом да посвистывая, шулки ради заводит путника в чащобу, качаются на ветвях Русалки-земляночки, а Русалки-моряночки водят на берегу Днепра хороводы, незаметно подкрадывается Дрёма с усыпляющим дурманом. Это привычные, хоть и не всегда безопасные, сожители человека в этом мире:

Д е д. <...> Гляди-ка, солнышко вскатилось в поднебесье.
 Ну, значит, полдень, им раздолье:
 Полудницам, Русалкам, Кикиморам,
 Марухам, Мавкам да Гречухам...
 К тому ж теперь семицкая неделя.
 (озираясь)
 Да место самое для ихних игровищ:
 «Урочище русальное» зовётся.

В и т я з ь. Да пусть их.

Д е д. Нечего бояться. Только зачурайся.
 В обиду Щурь тебя не даст.
 Особливо коль будешь жить по правде...

В пьесе Е. Н. Клетновой активность языческого начала, его руководящая функция в жизни древних славян показаны отчётливо, проявляясь и в образной системе, и в мотивной организации текста: наряду с людьми полноправными действующими лицами выступают мифологические божества различных иерархических уровней,

они многочисленны и разнообразны; решая судьбу приплывших в Смоленец престарелых варягов, народное вече внимает Русиславу, взывающему к милосердию, но с оглядкой отнюдь не на христианские заповеди: «Разве нарушим завет векожитных богов / И странных прогоним гостей?»; Русислав просит совета у волхвов на Велезовом требище и получает ответ, призванный определить его дальнейшие действия:

С т а р ш о й в о л х в. Русислав! Русислав! Русислав!
 Будь слугой векожитных богов.
 Иди,
 Веди
 Народ
 В поход.
 Рази, пленяй.
 Дань налагай.
 Богам давай
 Обетных даров.
 Дань собирай,
 Казну наполняй.
 Казна
 Одна
 Везде сильна <...>;

в купальскую ночь Русислав ищет цветок папоротника, дабы исполнить своё сокровенное желание: не во сне, а наяву встретиться с Царь-Девницей.

Христианская тема в значительной части текста проявляется скупой исподволь: во втором действии Любава упоминает о святом отшельнике, молящемся «иному Богу»; в третьем действии в разгар народного обсуждения — принять или прогнать стариков-варягов — этот отшельник незамеченным проходит в толпе вместе с каликами переходими, поющими духовный стих, наполненный библейскими образами и мотивами:

К а л и к и п е р е х о ж и е. Не плачь, мои меньшие братья,
 Дам я вам гору золотую,
 Дам я вам реку медяную,
 Оставлю вам сады-винограды,
 Оставлю вам яблоки кудрявы,
 Дам я вам манну небесну.
 Умейте горою владети,
 Между собою разделяти.

До поры до времени смолевецкий люд не внемлет Божьему слову.

В конце пятого действия христианская тема в пьесе сравнивается по силе звучания с темой языческой, затем они словно меняются местами: христианская усиливается, тогда как языческая идёт на спад. «Точка пересечения» духовных парадигм представлена в сцене-полилоге, названной «Совет векожитных богов».

По большому количеству действующих лиц, по организующему мотиву — ‘важное решение принимается в ходе всеобщего обсуждения’ — эта сцена близка массовым «вечевым» сценам, воспроизводящим принципы и порядки городского управления Смоленца. Тем самым автор в очередной раз подчёркивает подобие, а следовательно, связь между миром человека Древней Руси и миром языческих богов.

Сцена, в которой представлено собрание языческих богов, предваряется развёрнутой ремаркой, наполненной именами представителей низшей мифологии: «Готовят лесную поляну к совету шустрые Марухи, Краснята, Мавки, Пузанчики, Нички, Кикимиры. Очищают поляну. Тащут хворост ворохами, сено целыми копами. Все цветами убирают и чертог волшебный воздвигают. А Навяки в дудочки-сопелочки играют». Затем один за другим появляются участники совета (имена славянских богов, авторские характеристики внешнего вида и функций представлены в Таблице 1).

Таблица 1 – «Совет векожитных богов»
в пьесе Е. Н. Клетновой «Славный город Смоленец»

№ п/п	Имя	Авторские характеристики
1	Белун	«милосердный», «волоса что лён, борода что кудель; на белый посошок опирается; белый кафтан на нём болтается»
2	Велес	огромный дед
3	Весна-Красна	вокруг увиваются «всякие птицы-синицы, сороки-белобоки, журавли голенастые, гуси зобастые, сивки-воронки, соловьи-жаворонки, ласточки-касаточки, кулики, свиристели, дятлы, чижи, воробьи да стрижи, галчата, щеглята, чёрные граки»
4	Даждь-Бог	«сверкучий, ясный, жгучий»
5	Дрёма-Сон	«пробирается, слоняется, шатается, маков свет от него рассыпается»
6	Жирный Житень	«идёт, вепря ведет», отец Зори-Зоряницы
7	Зоря-Зоряница	«светлокудра-белолица, серебристо-алою фатой прикрывается»
8	Купало	«младой, весь разубран, во венках да в цветах»
9	Лада-богиня	«бела да светла»
10	Лель	«красавец-удалец» со свирелью
11	Любемель	«паренек, кушачок, белая рубаха, красные сапожки, на кудрях на светлых алые цветки»
12	Мать-Земля	«всякая тварь перед ней расступается; травы-цветики низко склоняются»
13	Перунице	«сам идет-валит»
14	Сёстры-Суденицы	«кудель долгой нитью вьют»
15	Стрибог	является «с свистом и гиком»
16	Черна-Марона	в сопровождении Полудниц-Трясовиц
17	Ярила	«человечьей головой себе путь дорогу освещает, колосом житным кругом помогает»

Мысль о том, что в новых условиях изменятся имена и статус, но не значимая роль в установленном свыше мировом порядке, поддерживают и конкретизируют в соответствии с собственными функциями другие божества.

Так, неизменно нужной — как подательница жизни — считает себя Мать-Земля:

М а т ь – З е м л я. <...> Пока земля цветёт,
Пока зерно незримо прозябает
И после колос тучный наливают,
Пока на ней живущее живёт —
Мне, матери-Земле, делов хватает.

Воспроизведённая в пьесе Е. Н. Клетновой точка зрения совпадает с представлениями о хронологической протяжённости почитания высшего женского божества, в основе своей неразрывно связанного с поклонением породившей всё живое Землём: «Начинаясь где-то в незапамятные времена, этот культ великой богини постепенно приобретает черты культа земли, земного плодородия и в этом виде живёт на протяжении тысячелетий, сосуществуя и с культом Зевса, и с митраизмом, и с христианством как народный земледельческий комплекс воззрений и магических обрядов» [3, с. 366].

Уверены в своём последующем долголетии и боги, представляющие природные воздушные стихии, небесные явления: Стрибог, бог ветра («И воя, и свистя, я грозы нагоняю, / Мороз и вьюги накликаю. / В громах реву! / Я, вея в зной, прохладу навеваю, / Туманы, мор и тучи разгоняю <...>»), солнечный Дажь-Бог («Пускай меня Дажь-Богом величают, / Пусть просто солнцем называют. / Но до тех пор пока весь мир стоит, / Всё, что дыханьем обладает, / Во мне источник жизни вечно чтит <...>»), Зоря-Зоряница (в пьесе Е. Н. Клетновой это тоже богиня света, но не яркого солнечного, дневного, как Дажь-Бог, а отражённого — света в ночи или в сумерках):

З о р я – З о р я н и ц а. Пока в поднебесье — в лазоревом море
Светятся-рдеются яркие зори,
Туманной фатой покрываются;
Пока среди ночи
Звёздные очи
Волшебным шатром расстилаются,
Дотоль к высотам молитвенным оком
С трепетом вечным в восторге глубоком
От века весь люд преклоняется,
И полный видений
Сад райских селений
За твердью ему представляется.

Так же спокойны в преддверии перемен боги любви: страстный Ярило («Я зажигаю / Нужду желаний. / Нет им скончаний»), Пресветлая Лада, говорящая не только от своего имени, но и за Любмела («Пока на свете род людской ведётся, / Мне да Любмелу много дел найдётся»).

Подводит итог обсуждению искусник Лель, утверждающий, что языческие боги продолжают своё существование в сказаниях, стихах, песнях, обрядах. В пантеоне славянских божеств, воспроизводимом в пьесе Е. Н. Клетновой, Лель выступает покровителем искусств, божеством, дарующим творческое вдохновение:

Л е л ь.	Им нет скончанья, Без их преданья Не мил весь свет. Без песнопений, Без вдохновений И жизни нет! И всё родное, Давно бывшее Вспомнит Лель. Звучит от века Для человека Его свирель!
----------	--

В «Славном городе Смоленце» враждебность к христианскому учению и его носителям открыто выказывают лишь представители низшей мифологии: Леший («Лютый враг / Чернец-Монах / Поселился / Здесь в горах... / Нам на страх...»; «Вишь — монахи / Нас — Богов / За бесов / Почитают / Научают / Весь народ...»), Домовой («Да, точно. Леший правду говорит. / Враженье есть в народе...»), а главным оплотом неприятия нового взгляда на мир предстаёт загадочная Царь-Девница.

Русислав, упорно добивающийся исполнения своего желания — встречи с очаровавшей его Морской Владычицей, — в ночь накануне Ивана Купалы ищет и находит цветок папоротника, который, по известному преданию, указывает места богатых кладов. Но «клад многоценный» для Русислава — это вовсе не золото:

Р у с и с л а в.	Достался, наконец! А пахнет как хмельно! (<i>Нюхает</i>) Эх! Ну его и клад... Пускай себе лежит. Нет, лучше подавай мне Царь-Девницу! (<i>Машет папоротниковым цветком</i>) Да в яви чтоб ко мне пришла сама.
------------------	--

Поначалу Русислава не смущает то, как ведёт себя появившаяся Царь-Девница, он не понимает, что она морок, наваждение: «Хочет Витязь подойти — не даётся, взять за белые руки — засмеётся, убегает. Манит он её, молит, заклинает. Царь-Девница на скале высокой, недоступная, стоит». Прозрение наступает тогда, когда возлюбленная заговорила об условиях, которые богатырь должен выполнить, чтобы её заполучить:

Ц а р ь – Д е в и ц а. Владеть Царь-Девницей, красой да любовью,
 Тот будет, кто подвиг свершит:
 Кто кровью славянскою, алою кровью,
 Всё море до дна напоит.
 Кто перстень волшебный, кто перстень заветный
 С зарокom и властью отдаст:
 Кто клятвою свяжется, клятвой обетной —
 Признать надо всем мою власть.
 Кто землю любимую, землю родимую
 И племя своё и весь род
 Царь-Девнице славной, Царице державной
 На вечное рабство сведёт.

Столь желанный Царь-Девнице перстень, знак власти над земными просторами, Русислав получил в честном бою, победив половецкого воина Колывана, который хотел похитить Любаву. Образно-мотивная ситуация «битва Русислава с Колываном, хотевшим похитить Любаву», — аллегорическое изображение традиционного исторического противостояния русичей и кочевых племён. Отдать «перстень заветный, с зарокom и властью» — значит обречь родную землю судьбе, которую сулит Царь-Девница: войны и кровь ради «золота, золота, золота».

Появившаяся неведомо откуда райская птица Гамаюн, чьё пение, подобное хрустальным колокольчикам, постепенно крепнет, переходя в перезвон колоколов, помогает Русиславу расслышать иные, истинные призывы:

Г а м а ю н. Сладостно
 Зазвучат звуки горние,
 Радостно
 Заблестят светы зорние
 Истину
 До конца возлюбляющим,
 Господа
 На земле прославляющим,
 Избранным,
 Голос Господа слышавшим,
 Милость Божию постигнувшим <...>

Постепенно пробуждается от дурных чар Русислав, пропадает морок — влечение к Царь-Девнице, и он вспоминает Любаву: «Любавушка, Лада моя! / От злых чар хоть ты охраняй меня!» Мухомор, который видит в собственной руке витязь, ещё недавно уверенный, что нашёл волшебный цветок папоротника, — наглядный знак его исцеления от наваждения.

Представление о том, что, пересилив кровавое и злое, что есть в язычестве, человечество не должно отвергать веками накопленный добрый опыт, на уровне

Воспроизведённое Е. Н. Клетновой в художественной форме представление о том, что язычество никогда окончательно не будет отвергнуто человеческим сознанием, созвучно неомифологическим исканиям, отчётливо проявившимся в культуре рубежа XIX–XX вв.: музыкальные произведения И. Стравинского и А. Лядова, живопись Н. Рериха и И. Билибина, скульптура Н. Коненкова, поэзия Вяч. Иванова, С. Городецкого, А. Блока, А. Белого и многие другие примеры.

Кроме того, это ключевое положение может быть воспринято как принципиальная иллюстрация авторской позиции в не смолкающих поныне спорах о судьбе традиционных языческих ценностей после принятия христианства на Руси. Не полное уничтожение язычества, не «двоеверие» показано в пьесе Е. Н. Клетновой, а органичная трансформация языческих верований и соответствующего жизненного уклада под воздействием «Света из Царьграда». Как скажет об этом позднее академик Д. С. Лихачёв, «древние боги ушли. А вот язычество в своих земледельческих и бытовых нравственных формах живо <...>» [2, с. 241].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. 363 с.
- 2 *Лихачёв Д. С.* Книга беспокойств: статьи, беседы, воспоминания / сост. Г. А. Дубровская. М.: Новости, 1991. 522 с.
- 3 *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 606 с.

* * *

Pavlova Larisa Viktorovna,

*DSc in Philology,
Professor in the Department of literature and methods of its teaching,
Smolensk State University,
Przhevalsky street, 4, 214000 Smolensk, Russian Federation
E-mail: pavlar@inbox.ru*

Pasternak Tatiana Konstantinovna,

*Post-Graduate Student in the Department of literature and methods of its teaching,
Smolensk State University,
Przhevalsky street, 4, 214000 Smolensk, Russian Federation
E-mail: tat-pasyernak@yandex.ru*

RELIGIOUS BELIEFS OF ANCIENT SLAVS IN THE PLAY «GLORIOUS CITY OF SMOLEVETS» BY E. N. KLETNOVA

Abstract: The literary heritage of Ekaterina Nikolaevna Kletnova, a prominent archaeologist, anthropologist, ethnographer and a teacher, has never been the subject of a special study before. Her numerous opera librettos, essays, poems and plays were «scattered» in periodicals and archival collections in the end of XIX and

the first quarter of the twentieth centuries. The manuscript of Kletnova's play, «Glorious city of Smolevets», was discovered, and it served as the material for the research, the results of which are reflected in the article. The analysis of different levels of text: subject, perspective, composition and imagery — allowed to identify and describe the author's concept of interaction of paganism and Christianity and to define the meaning of the play. The history of the life quest of the knight Rusislava (dreams of wealth and fame, the pursuit of illusory happiness with Tsar Maiden, acquisition of useful skills of agriculture and genuine love for Lubawa, introduction into the Christian faith) represents a turning point in the history of Russia. Well-established and well-developed pagan views and values are being replaced by Christian ideals, which are gradually gaining strength. The originality of the author's position is that there is no tragedy in the description of the changes. They were caused not by the antagonism and struggle of various religious principles but by the natural development of the spiritual life of ancient Russia. The names of the gods and cults of fertility, love and art (Mother Earth Beluna, Yarily, Lada, Lyubemelya, Lola) were disappearing, but their functions were organically included in the new creed. Paganism had taught a man to worship the divine presence in the life and Christianity showed the God himself.

Keywords: E. N. Kletnova, play, Slavic mythology, paganism, Christianity, the subject, the imaging system.

REFERENCES

- 1 Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: v 3 t.* [Poetic views on the nature of the Slavs: in 3 vol.] Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1995. Vol. 1. 363 p.
- 2 Likhachev D. S. *Kniga bespokoistv: Stat'i, besedy, vospominaniia* [The book of concerns: papers, interviews, memoirs]. Moscow, Novosti Publ., 1991. 522 p.
- 3 Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 606 p.